

Д. В. Васильев

Афганистан в центре Большой игры. 1878—1879. Акт третий: Война эмира Шир-Али

В статье рассматривается предыстория и самое начало второй англо-афганской войны в контексте российско-афганских отношений. Показаны причины интереса к Афганистану для Российской империи и причины неудачного развития российско-афганского диалога на рубеже 1878—1879 гг. Отдельное внимание уделено афганской оценке российских действий в этом раунде Большой игры. Даны оценки деятельности конкретных российских дипломатов и государственного подхода к проблеме в целом. Одними из главных героев статьи являются афганский эмир Шир-Али и его преемник Абд-ар-Рахман-хан. Источники исследования — дипломатическая и служебная переписка, а также мемуары активных участников событий. Основными методами создания нарратива стали критика и анализ письменных исторических источников. Кажущиеся неудачи российской дипломатии тем не менее привели к решению стоявшей внешнеполитической задачи. Россия активно заявила о своем намерении отстаивать собственные интересы в Центральной Азии даже путем дестабилизации региональных политических субъектов.

Ключевые слова: вторая англо-афганская война, Афганистан, Российская империя, Большая игра, Туркестан, Шир-Али, Абд-ар-Рахман-хан, К. П. Кауфман, П. А. Шувалов, Н. Г. Столетов, Н. И. Разгонов, И. Л. Яворский.

Вторая англо-афганская война относится к не особо развитым темам в отечественной историографии. В дореволюционный период к ней обратились Л. Н. Соболев [16] и М. А. Терентьев [17, с. 514—547], первый из которых по горячим следам оставил весьма подробную историю боевых действий, снабдив ее чрезвычайно интересными документами, а второй удачно вписал ее в дипломатический контекст. Весьма схематично рассматриваемый в настоящей статье сюжет был освещен А. Е. Снесаревым [15]. К теме англо-афганского конфликта обращался Г. А. Хидоятов [22, с. 311—344]. Предысторию и развитие конфликта кратко изложил Н. А. Халфин [18, с. 124—130; 20, с. 107—135], который живописно представил отдельные события войны в своем научно-популярном труде [19]. Второй англо-афганской войне посвящена отдельная глава в вышедшей в 1965 г. «Истории Афганистана» [10, с. 248—274] и небольшой фрагмент в «Истории Афганистана» 1982 года издания [11, с. 162—168]. Позиция Великобритании и афгано-британские отношения этого времени рассмотрены в статье А. Б. Арбекова [3]. С. А. Р. Алави прослеживает трансформацию образов Афганистана и афганцев у англичан в ходе и в результате второй англо-афганской войны [2].

Современные рассматриваемым события отражены в работах Т. В. Рабуш [14], Г. С. Харатишвили [21] и А. А. Колесникова [12], а гражданское состояние индийских владений Великобритании — в монографии автора «Поступь империи» [8, с. 316—346].

Вторая англо-афганская война 1878—1880 гг., как и первая, была спровоцирована неприемлемой для Великобритании пророссийской ориентацией кабульского правительства. В настоящей статье не будет рассматриваться ход военных действий или сопровождающая их дипломатическая активность заинтересованных правительств. Она посвящена исследованию природы этого военно-политического конфликта и в таком качестве завершает серию публикаций по истории российско-британо-афганских отношений в 1878—1879 гг.

Источниковую базу статьи составляют документы, опубликованные в сборнике, составленном Т. Н. Загородниковой [4], материалы Национального архива Республики Узбекистан, опубликованные в 1948 г. [13], а также записки доктора И. Л. Яворского,

© Васильев Д. В., 2022

участвовавшего в российском посольстве 1878 г. [23], и заметки афганского эмира Абдар-Рахман-хана [1]. Поэтому, завершая нарратив этой истории, используются два главных метода — критика и анализ исторического источника. Трудности сообщения в Центрально-Азиатском регионе объясняют значительную задержку в обмене информацией между участниками событий, что обусловило диахронное построение нарратива начала второй англо-афганской войны.

Рассмотренные прежде «Индийский поход» туркестанских войск [6] и посольство генерала Н. Г. Столетова [7] завершились, если не достигнув своей главной цели, то, во всяком случае, укрепив позиции России в Центральной Азии. Петербург показал, что готов к активным действиям в регионе, но не любой ценой. Россия фактически отдала Афганистан в руки индо-британского правительства, что, кстати, не противоречило прежним англо-российским договоренностям.

Однако такая перспектива пассивного участия в региональных делах смущала координатора афганской политики государства К. П. Кауфмана. В ноябре 1878 г. он писал военному министру Д. А. Милютину: «Если англичане успеют подчинить своему влиянию Афганистан, то немудрено им будет привести в исполнение всю пешаварскую программу 1877 года¹ и, между прочим, водрузить флаг на берегу реки Амударья, обратив Афганистан в свое вассальное государство. Тогда интригам их и в нашу сторону не будет предела, и на этом поприще мы всегда потерпим поражение; я не говорю уже о том, что для нас будет отнята всякая возможность угрожать британским владениям в Индии, но мы и в своих владениях будем поставлены в необходимость противодействовать их подкупам. Нам остается теперь употребить все меры, чтобы хотя дипломатическим путем отстоять независимость Афганистана не только на словах, но и в действительности. <...> Будь мы во время войны [1877—1878 гг. — Д. В.] сильны в Средней Азии, мы могли бы достигнуть и на Балканском полуострове и в Малой Азии [на мирных переговорах. — Д. В.] всего, что нам нужно; между тем, если англичане устроят свои дела в Индии, вполне себя обеспечат от всяких внешних случайностей, они и там будут более требовательны и уже, конечно, ни в чем нам не уступят» [13, с. 68, 69]. Сказанное не нуждается в комментариях. Очевиден курс правительства, очевидны дипломатические и стратегические сложности государства, основные финансовые ресурсы которого расходовались на осуществление колоссальных буржуазных преобразований и даже отвлекались на масштабную войну. Очевидно и практически иллюзорное желание не потерять Афганистан, что в это время было нереально.

Великий оптимист К. П. Кауфман не хотел мириться с очевидным: «...У Шир-Али-хана есть свои шансы к успеху. Конечно, при том условии, что народ останется ему верен. А если с помощью божьей он сумеет продлить борьбу до лета будущего года, то этим он докажет свою силу и тогда мы могли бы отсюда рискнуть поддержать его с меньшими средствами...» [13, с. 69]. Понятно, что на прямое состязание с Британией, даже на афганском поле, российское правительство было не готово даже гипотетически. Однако туркестанский генерал-губернатор надеялся на спасение в лице Столетова, которого просил командировать в Ташкент для новой поездки его в Кабул «для поддержания и установления на будущее время отношений наших к эмиру ввиду могущих произойти перемен политик между Англией и Афганистаном» [4, с. 231].

¹ На Пешаварской конференции англичане выдвинули условия: занятие афганских крепостей или хотя бы размещение британских офицеров внутри страны и на ее границах и использование Афганистана как плацдарма для движения на Россию. В планы входила атака Российской империи как в Европе (на стороне Турции), так и в Азии [18, с. 121; 20, с. 92—93].

Здесь можно сделать небольшое отступление, обратившись к мнению тогдашнего, а в будущем и еще большего специалиста по Центральной Азии, в 1878 г. заведующего Азиатской частью Главного штаба А. Н. Куропаткина: «История Азии представляет за последние три столетия непрерывную наступательную борьбу трех крупных государств: России, Англии и Китая против многочисленных мелких владений, наполнивших некогда Азию и частью сохранивших самостоятельность теперь. В этой борьбе Россия подвигается с запада на восток, Китай с востока на запад и Англия с юга на север. Уже несколько лет тому назад стала очевидна неминуемая встреча этих трех государств, причем раздел Азии между ними был бы довершен. С общечеловеческой точки зрения подобная встреча, казалось, должна бы считаться желательной. Кровавая анархия и застой в государствах, оставшихся еще независимыми, с подчинением их России, Англии или Китаю должны были прекратиться. Население этих государств и экономическое его состояние, падавшее в течение многих столетий, могли бы возродиться под цивилизующим влиянием новых владетелей. <...>

...Какая же цель нашего движения в глубь Средней Азии? Ответ может быть один: занятие нами сильной позиции в Средней Азии есть одно из средств облегчить выполнение общей исторической задачи России — разрешение согласно славянских интересов Восточного вопроса [здесь и далее подчеркнуто в тексте. — Д. В.]. Россия освободила Сербию, Грецию, Румынию и теперь освобождает Болгарию. Освобождение этих земель осуществлено Россией с редким и еще не виданным в истории бескорыстием. На этом историческом и славном для России пути она встречала всегда главное препятствие в Англии, вызываемое своекорыстными расчетами. Англия и Россия во внешней политике антиподы. Насколько каждый новый шаг Англии делается только ради эгоистических целей, ради наживы, настолько каждый новый шаг во внешней политике России в Европе имеет целью выгоды ближних наших по крови или по религии, в материальном же отношении приносит России ущерб, а не выгоды.

Заставить Англию отказаться от ее эгоистических расчетов можно только силой. Нанести ей удар в Европе мы не в состоянии; в Азии — вполне в силах. Отсюда вытекает значение наших среднеазиатских владений как базиса для действий против Англии. <...>

Мы слишком поздно начали свои приготовления в Азии. Берлинский конгресс успел окончиться, а вместе с этим торжествующая Англия почувствовала свои руки развязанными для энергичного подавления столь благоприятных для нас результатов русской политики в Азии. Отказ Шир-Али принять посольство генерала Чемберлена с конвоем в 1000 человек поднял бурю в Англии. Война против Афганистана была решена, и англичане приступили к сосредоточению сил и средств для войны, достаточных для обеспечения успеха. Мы с своей стороны послали нашему послу в Афганистане генералу Столетову новые инструкции, в которых эмиру советовалось избегать разрыва с Англией. <...>

Какую же роль должна принять на себя Россия в этой англо-афганской распре? Мы должны выбрать один из трех способов действия: 1. Прямое вмешательство; 2. Нейтралитет вооруженный; 3. Нейтралитет полный» [4, с. 232—246].

Далее А. Куропаткин, отмечая напроць первый пункт, довольно подробно рассматривает оставшиеся, не отдавая приоритета никакому из них. Так и российское правительство, держа в голове «нейтралитет вооруженный», реализовывало шаги, более свойственные «нейтралитету полному». И, следует признать, эта позиция оказалась для России не удачной.

Примечательно, что столичные дипломаты вполне отдавали себе отчет в том, что пограничные начальники не всегда адекватно воспринимали и интерпретировали сигнала

лы из Петербурга. Министр иностранных дел А. М. Горчаков обращал внимание: «Мы не можем скрывать перед собой, что во всем этом афганском деле впечатления на месте неточно соответствуют побуждениям, данным из Петербурга. Это естественный результат большого расстояния и местных затруднений, которые не могли успокоиться по мере того, как в Европе общая ситуация теряла свой обостренный характер. Эмир мог ошибиться по поводу наших намерений и делать себе иллюзии о целесообразности крайних решений, которые он принял» [13, с. 113].

В условиях развития военных действий глава миссии в Кабуле Н. И. Разгонов 20 ноября запросил у афганского правительства разрешение покинуть страну. «Визирь возражал против этого. Сущность его длинных возражений сводится к тому, что мы пришли в Афганистан и вот край их подвергается нашествию врага; что эмир скажет своим сановникам и народу, позволив нам уехать из Афганистана? “Генерал Столетов, — сказал он в заключение, — наобещал нам много и исчез как рыба в воду. Пока вы здесь, еще есть надежда на вашу помощь”. Смысл слов был ясен. Я прямо сказал мудрому сановнику, что “если русское правительство решило не посылать эмиру войск на помощь, то эмир и его сановники могут быть уверены, что войска не придут, сколько бы времени нас здесь не держали, если же русская помощь решена, то войска придут, будем или не будем мы здесь”» [13, с. 71].

Донесение российского посла в Лондоне графа П. А. Шувалова от 26 ноября 1878 г. позволяет пролить свет на позицию британской стороны в этом афганском вопросе. Из его депеши следует, что инициатива военных действий против Афганистана принадлежала исключительно графу Литтону. Но лондонский кабинет «не может дезавуировать вице-короля, хотя оно им недоволено: вернувшись в Англию, и когда ему уже нечего было терять, он не замедлил бы напасть на своих бывших руководителей и принести самый большой вред. <...> Соображения внутренней политики, которые вытекают из условий партийной борьбы, заставляют министерство [кабинет. — Д. В.] поддерживать в будущем, больше чем оно хотело бы, неуместные действия вице-короля» [13, с. 73, 74]. Другой причиной активизации британцев стала выдвинутая премьер-министром Бенджамин Дизраэли графом Биконсфилдом концепция исправления границ¹, согласно которой захват важнейших горных проходов на территории Афганистана надежно защитит индийские владения от агрессии противника. При этом так называемая партия действия во главе с ученым и дипломатом Генри Роулинсоном призывала к присоединению Афганистана к Индии, в то время как противоположная обвиняла правительство в легкомыслии за скоропалительное начало военных действий. В итоге план исправления границ получил парламентское одобрение [13, с. 74—76].

А в это время (26 ноября 1878 г.) эмир Шир-Али просил Ташкент прислать ему на помощь войска [13, с. 77], на что К. Кауфман почти месяц спустя ответил отказом: «Будем надеяться на лучшие времена в будущем» [13, с. 103]. Император Александр II хотел положить конец вторжению дипломатическим путем и запрашивал о том своего посла в Лондоне [13, с. 78]. Британский кабинет отвечал, что посчитает это вмешательством России в отношения между Великобританией и Афганистаном и нарушением прежних обязательств [13, с. 86], подчеркивая, что это государство лежит вне сферы интересов России [13, с. 90—91]. Тем временем во много раз превосходящие силы британцев пробиваются к Кабулу. Эмир не получает даже словесной поддержки из Ташкента. Противная партия упрекает его в сношениях с русскими. Миссия Разгонова в трагическом положении. Эмир собирается покинуть Кабул, оставив вместо себя Якуб-хана [13, с. 78—81].

¹ Весьма созвучно сформулированной годами ранее концепции «естественных границ» России в Центральной Азии [5; 9, с. 136—157].

Посол Шувалов хранил молчание перед лондонским кабинетом. Но стремление избежать столкновения с англичанами не должно было, по его мнению, реализовываться любой ценой. Захват Афганистана грозил не только падением популярности правительства внутри России, но и смещением буферной зоны между Россией и Британией в сторону Бухары, чего нельзя было допустить. И граф в качестве сдерживающей британцев меры предложил экспедицию против Мерва [13, с. 82—83]. Заметим, что проанглийская позиция графа, вплоть до предательства российских интересов, была хорошо известна современникам [17, с. 523—530].

Лондон с конца ноября настаивал на эвакуации миссии генерала Разгонова и соглашался на «независимость эмира», но с сокращением афганской территории («исправлением границ») и присутствием в Кабуле постоянного английского посольства [13, с. 83—88].

Одновременно по всему Афганистану распространялась британская прокламация, которая с несвойственной англичанам простотой дезавуировала все российские политические маневры.

«Выслав из Афганистана британских офицеров, отказавшись от принятия английского посольства, не дав никакого ответа на дружественные письма его превосходительства вице-короля и отвергнув наши желания и старания восстановить добрые отношения между ним и индийским правительством, эмир принял в Кабуле с надлежащими почестями русское посольство, которому оказал полное гостеприимство.

Этот поступок эмира получил особенное значение вследствие тех событий, которые в то время происходили в Европе, и взаимного положения, занятого в этих событиях Россией и Англией. Сверх того, решаясь на этот поступок, эмир хорошо знал, что русское правительство обязалось перед Англией считать Афганистан вне сферы своего влияния и действия. Наконец, в то самое время, когда в его столице находилось русское посольство, эмир прогнал от своей границы полномочного британского посла, несмотря на то что о предстоящем приезде этого сановника он своевременно и по принятому обычаю был оповещен письмом его превосходительства вице-короля, в коем он доказывал важное значение этой миссии» [23, с. 111—112].

Действительно, сегодня трудно поверить, что эмир решил, будто бы Россия готова ради добрососедства с Афганистаном развязать войну с Ост-Индией (Великобританией), что он между реальной угрозой со стороны Британии и обещаниями военной помощи со стороны России выбрал последнюю. Но не будем забывать, что афганцы уже имели опыт негативного взаимодействия с Британией, а Н. Г. Столетов в свое время на все лады расхваливал успехи русского оружия в последней войне с Турцией. Доверившись российскому послу и выдав желаемое за действительное, Шир-Али-хан неумолимо сокращал время своего правления.

И вот уже 1 декабря 1878 г. эмир Шир-Али-хан объявил о том, что покидает страну и направляется в Санкт-Петербург [13, с. 88—89]. В тот же день он выехал из столицы в Мазари-Шариф вместе с российской миссией [23, с. 71]. Российский МИД заявил, что, принимая во внимание намерение англичан сохранить независимость Афганистана, российская миссия в Кабуле получила приказ об эвакуации [13, с. 88—89]. Недели через две пути Разгонов получил письмо от туркестанского генерал-губернатора с разномом за то, что миссия самовольно оставила Кабул, и за то, что ее глава позволил себе сообщить эмиру экстракт из писем Кауфмана: «Нельзя из интимных сообщений делать дипломатических нот» [23, с. 105].

Крупнейший историк российского военного присутствия в Центральной Азии XIX в. М. А. Терентьев был убежден, что именно имперский посол Н. И. Разгонов единолично

убедил эмира Шир-Али оставить Кабул без боя и ехать далее в Петербург для встречи с Александром II, чтобы воспользоваться этим прикрытием для безопасного возвращения в Россию, а может быть, и для получения государевых милостей [17, с. 501]. Впрочем, Терентьев не скрывал и прямую вину Разгонова в развязывании нового горячего англо-афганского конфликта [17, с. 489—490].

Симптоматично, что российский император так и не решился лично встретиться с эмиром. 3 декабря А. М. Горчаков телеграфировал К. П. Кауфману: «Государь не будет сам отвечать эмиру, представляется Вам отправить к нему с нарочным письмо, в котором сообщите, что государь желает остаться с ним в дружеских отношениях, избегая впрочем выражений, могущих подать эмиру надежду на какую-либо с нашей стороны материальную поддержку» [13, с. 90].

Позиция российского правительства по афганскому вопросу была подчеркнута в письме Д. А. Милютина К. П. Кауфману от 6 декабря 1878 г.: «...Несомненно, что успех англичан на границах Индии сделает их еще более назойливыми в Европе. Тем не менее государь император не изменяет твердого своего намерения поддерживать европейский мир до последней крайности, и не допустит, чтобы повод к решительному разрыву с Англией был подан с нашей стороны. Столкновение наше с этой державой в Азии было бы сигналом общей и упорной войны при обстоятельствах и обстановке крайне для нас невыгодных. Поддержание эмира афганского в борьбе с Англией было бы уместно только в том случае, если бы разрыв с Англией сделался неизбежным. Это имелось в виду в начале текущего года, когда мы готовились к войне. Теперь же не может быть и речи о каких-нибудь активных мерах с нашей стороны, и если эмир, решившись на войну с Англией, рассчитывал на материальную нашу поддержку, то полагаю, что не мы и не посольство наше в Кабуле ввели его в подобное заблуждение» [13, с. 91]. Но мы уже знаем, что это, мягко говоря, не совсем так. Обольщенный Кауфманом и Столетовым, эмир оказался разменной монетой в политическом диалоге великих держав.

А дальше уж совсем цинично: «Желательно поддержать и на будущее время в эмире убеждение, что истинными его врагами остаются англичане, а друзьями — русские. Но если справедливы газетные известия о возмущении в Кабуле и бегстве самого эмира, то, конечно, все шансы изменяются: придется отказаться от всякого дальнейшего с нашей стороны влияния на Афганистан, так как, по всей вероятности, преемником Шир-Али будет сын его Якуб — покорное орудие англичан» [13, с. 92—93]. Создается впечатление, что в трагическом финале всей этой истории самым адекватным в ситуации человеком остался К. П. Кауфман, начертавший на полях напротив слов о поддержании дружеского отношения к русским: «Этого трудно достигнуть, так как у эмира самого и у его подданных в особенности составилось убеждение, что мы были вольной или невольной причиной их бедствий, т.е. войны с Англией» [13, с. 93].

Двигавшийся вместе с эмиром и своим посольством в сторону России генерал Н. Разгонов в письме туркестанскому генерал-губернатору 6 декабря описывал государственную мудрость эмира, оставившего регентом в Кабуле своего сына Якуб-хана с солидной суммой денег и войсками. Вряд ли англичане пошли бы на его уничтожение или смещение. Не будучи осведомлен во всех тонкостях большой политики, Н. И. Разгонов мечтал: «Нет сомнения, что поездка эмира в Петербург будет иметь неисчислимые выгодные для нас последствия в будущем. <...> Прием, который будет ему оказан, конечно будет достоин величия России и будет наглядным выражением той дружбы, которую государь-император предложил эмиру через генерала Столетова. Надо помнить, что глазами эмира и Афганистана теперь смотрит на Россию Индия и вся Азия. Эмир Шир-Али-хан так искренне, так открыто и так *безвозвратно* [выделено мной. — Д. В.] стал на нашу сторону,

что имеет полное право рассчитывать на самый искренний и радушный прием, который, без сомнения, превзойдет его ожидания» [13, с. 93—94].

Читая этот пассаж, понимаешь, почему британское правительство желало держать лорда Литтона подальше от Лондона. Что-то есть неуловимо общее у него с генералом Столетовым.

10 декабря 1878 г. Шир-Али-хан уведомил К. П. Кауфмана о своем твердом намерении отправиться в российскую столицу в поисках правды против англичан [13, с. 99—100], а 18 числа в Мазари-Шариф прибыло семейство эмира с огромным обозом [23, с. 70].

Судя по всему, желая освободить свои руки от, образно говоря, афганских пут, туркестанский генерал-губернатор 12 декабря заявил остававшимся в Ташкенте афганцам из бывшей свиты Н. Г. Столетова о необходимости возвращаться на родину [23, с. 109—110].

Оставшись наедине с неумолимым противником, вельможи эмира сетовали: «Одно из двух: или Англия обманывает Россию, а вместе с нею и Афганистан, или же Россия отдает Афганистан на произвол Англии, прикрываясь маской дружелюбия и фальшивыми заверениями английских министров. <...> Было бы нечестно и в высшей степени бестактно со стороны России отказать в настоящее время Афганистану в своей помощи или не принимать у себя эмира-саиба. Мы до сих пор думали, что Россия — могущественная держава, своих друзей не сдает в обиду...» [23, с. 113—114]. Такие настроения наполняли атмосферу российских партнеров в Афганистане.

Вновь просит слова осведомленный свидетель событий. 30 декабря во время очередного визита произошел диалог между эмиром и доктором Яворским.

«Правду Вы сказали, оживленно перебил меня эмир, — англичане злы на меня за то, что я передал “ключи от ворот в Индию” в руки России. Они предлагали деньги, оружие, уступали Пешавар и Когат [преувеличение эмира. — Д. В.], лишь бы я вступил в союз с ними, но я предпочел отказаться от всего этого. Для меня дороже всего “лицевая вода” [честь. — прим. авт.]. Как отец мой держал сторону России, так и я еду теперь к государю русскому. Да, честь... для меня всего дороже. Если бы меня обидел и русский государь, то хотя бы он потом давал мне 100 миллионов, я бы от всего отказался и дружбы между нами, конечно, более не могло бы существовать.

“Бедный эмир, — думал я во время его монолога. — Ты не знаешь, что в письме генер<ала> Кауфмана к генер<алу> Разгонову находится несколько строчек, которые могут совершенно разбить твои надежды на Россию: “Хорошо, что эмир отступил в Мазари-Шариф, но не дай Бог, чтобы он пожаловал к нам”, — писал ген<ерал> Кауфман”.

Эмир, конечно, не знал об этих строчках, ибо генер<ал> Разгонов не сообщил их ему. Но и можно ли было сообщить ему такие слова? Вот вопрос, который пусть решит читатель сам» [23, с. 121].

Намерение Шир-Али-хана попасть на аудиенцию к Александру II не на шутку взволновало туркестанского генерал-губернатора [13, с. 103]. А. М. Горчаков незамедлительно 24 декабря телеграфировал в Ташкент: «Поездка эмира в Петербург была бы бесполезна. Государю императору угодно, чтобы Вы постарались отклонить...» [13, с. 104]. Слухи доносили, что «эмир потерял всякую надежду на русское правительство и понял, что он был введен в заблуждение и его заставили отвернуться от английского правительства» [4, с. 262].

Тем временем К. Кауфман не унимался. 24 декабря он продолжал убеждать военного министра: «Очевидно, что сжигать корабли наших в отношении к Афганистану не следует. Я уже не стану говорить о материальной помощи эмиру, но уповаю, что ему не будет отказано в нравственной поддержке почетным приемом и посредничеством хотя бы для того, чтобы выговорить [выторговать. — Д. В.] ему все, что только можно, дабы не-

зависимость его, нам обещанная английскими министрами, была не эфемерная, а существенная» [13, с. 104]. И в тот же день министру иностранных дел: «Если Шир-Али-хану будет отказано в почетном гостеприимстве и в выслушании его доводов против английских деяний, то мы потеряем возможность угрожать Англии с этой стороны, ибо угроза эта возможна исключительно тогда, когда Афганистан на нашей стороне, а отказом этим мы навсегда портим наши с ним отношения. Все зло, какое сделано нам в Европе, а в особенности в последнюю великую и трудную эпоху жизни России, есть плод английских происков. Едва ли можно в этом сомневаться. Все, что нам не выгодно, совершилось под влиянием крайне эгоистической английской политики при ловких, ничем не стесняющихся приемах главных деятелей нынешнего министерства Великобритании. ... Отказав афганскому правительству в той нравственной поддержке, которой оно ждет от нас, мы рискуем вконец уронить себя в глазах всей Азии. Мы потеряем то обаяние, то уважение, которое составляет главную нашу силу» [13, с. 105—106].

Самому же Шир-Али генерал Кауфман на другой день предложил вернуться в Кабул и заключить немедленно «с английским правительством возможно выгодный для Вас мир, сохранив при этом Вашу независимость», или же поручить это Якуб-хану [13, с. 108]. И ни слова о Петербурге.

Эмир до последнего дня не желал примириться с англичанами: «Для меня... это невозможно, но если государю императору это угодно, то я готов даже и на это, но пусть он сделает сам от себя, я готов по его желанию на всякие условия, но только пусть он возьмет это дело в свои руки. Об этом я и желаю лично переговорить с императором России» [13, с. 120—121]. Шир-Али-хан не терял надежды на высочайшую аудиенцию в российской столице, о чем и просил К. П. Кауфмана 21 января 1879 г. [13, с. 122—123].

В первые дни января уже в Мазари-Шарифе эмир узнал из писем туркестанского генерал-губернатора, отправленных в самом начале третьей декады декабря, что его приезд в Россию нежелателен, равно как и то, что он не получит ни одного русского солдата. Заканчивая одно из них и ставя эмира в известность о том, что русская миссия должна покинуть Афганистан, главный начальник Туркестанского края выражал надежду на сохранение дружеских отношений с Шир-Али [23, с. 144—145].

Выслушав эти письма, эмир сделал для себя неутешительные выводы: «Видимое дело, что Россия в настоящее время не может вести войны с Англией, потому и оставляет Афганистан на полнейший произвол ее. Впрочем, может быть Россия руководится в этом деле и другими какими-либо соображениями? Но для русского правительства мало было отказать мне в военной помощи, которую я просил, оно еще советует мне возобновить сношения с Англией, заключить мир с моим кровным врагом! Ведь все это ясно показывает, что Россия решительно отказывает мне в своей поддержке. Далее. Генерал Кауфман советует мне заключить с Англией мир. Да ведь если бы я хотел заключить с нею мир, то сделал бы это и без чьего-либо совета во всякое данное время. Но вы вспомните, что говорил мне генерал Столетов. Он советовал мне не принимать английского посла и, в случае войны, обещал мне военную помощь. В том же духе он писал мне и из Ливадии. Теперь же, когда настало время исполнить свои обещания, вы мне говорите совершенно противное. Где же правда? Кому же верить?!» [23, с. 146—147].

Затем эмир дал участникам российской миссии прочитать адрес эмиру, подписанный разными сердарями, представителями разных племен, представителями разных обществ и военачальниками. Все они просили эмира отправиться к Белому царю с просьбой о защите против притеснений Англии. Эмир продолжил: «Вот видите... я по желанию народа поехал в Мазари-Шариф с тем, чтобы проехать отсюда в Петербург. И вдруг я получил отказ! Ведь мне незачем было бы ехать сюда, а равно и пересылать свое семейство,

если бы я не решился ехать в Россию. Что же теперь я должен сказать моему народу, давшему свое согласие и полномочие на эту поездку? <...> Когда генерал Столетов приехал в Кабул, то я подал ему правую руку и сказал: не принес ли он опять в Афганистан огня, как некогда Виткевич? На это мне генерал Столетов ответил, что “он пришел за тем, чтобы защитить Афганистан от обид Англии”. И что же вышло? Вышло то, что вот во второй уже раз Афганистан подвергается разорению из-за обещаний русских послов. Я имел 20 миллионов дохода, государство имело для своей защиты 60-ти тысячное войско и мы жили мирно, не желая ничего больше. Но вот пришел русский посол, надавал кучу обещаний... Я с своей стороны отдал ключи от ворот Индии в руки России и подверг, вследствие этого, свое государство разорению. А вы... вы сами отказываетесь теперь от обладания этими ключами!..» [23, с. 148—149].

Эмир говорил о том, что обесчещен и ему стыдно смотреть в глаза и своих друзей, и своих врагов-англичан: «Что скажут они мне? “Что, помогли тебе русские? ...А ведь ты на них так надеялся; ты стремился к ним всем сердцем!.. И ты все это делал несмотря на то, что мы тебя предупреждали, мы тебе говорили, что Россия бессильна, что никакой помощи тебе дать не может, а напротив, узнает все наше могущество, если только войска ее осмелятся переступить Аму!” Вот теперь я и убедился на самом деле, что англичане правы были; вы перед ними просто школьники! Я же теперь не знаю, кто из вас троих говорит ложь: Вы ли [Н. Разгонов. — Д. В.], генерал ли Кауфман или генерал Столетов?» [23, с. 149—150].

Наконец, старания Кауфмана увенчались успехом. Описанная выше сцена произошла 6 января, а на следующий день эмира ждало радостное известие — приглашение в Россию. Главный начальник Русского Туркестана по указанию министра иностранных дел [13, с. 109] предложил эмиру временно остановиться в Ташкенте. При этом наученный горьким опытом Константин Петрович уведомил его о том, что еще не получил повеления о поездке из Ташкента в Петербург [13, с. 109]. И если предложение вернуться в Афганистан и заключить с англичанами мир расстроило эмира, то приглашение приехать в Ташкент его, напротив, воодушевило [13, с. 120], хотя сборы затянулись на долгое время. Эмир сам начал сомневаться в необходимости поездки, отдавая себе отчет, что бессмысленная поездка (без надежды на реальную помощь) лишь усугубит его положение. Эмир беспокоился за свою семью, не хотел оставлять страну продвигавшимся англичанам и не хотел оказаться в Ташкенте незванным гостем [23, с. 176—178].

19 января миссия Н. Разгонова покинула Мазари-Шариф, а доктор Яворский остался с эмиром, больным суставным ревматизмом (ревмополиартритом). Вместе с русскими в Ташкент отправилось небольшое посольство в составе четырех сановников. 21 числа врач установил тромбоз больной ноги эмира. Но окружение Шир-Али-хана всячески стремилось отдалить от него русского доктора. Одновременно укреплялись слухи, что оставленный в Кабуле Якуб-хан отдал приказ местным войскам не пускать отца в Россию [23, с. 204].

Когда И. Яворский был приглашен к эмиру 30 января, то застал уже гниющую ногу и подозрение на заражение крови. Теперь уже одного желания эмира было недостаточно. Поздно он прогнал своих врачей и обратился к русскому врачу. В безвыходной ситуации он сделал повязки и разрешил больному выпить немного вина, после приема которого проявились признаки отравления. Удивительно, но ни капли молока во дворце обнаружить не удалось. 3 февраля колено эмира демонстрировало все признаки омертвения. В следующие дни у него началась лихорадка. 8 февраля Шир-Али-хан скончался [23, с. 206—216].

Продолжавшиеся тем временем военные действия не вселяли в российское правительство уверенности в соблюдении британской стороной обязательств, взятых по поводу Афганистана. Российское правительство готово было отказаться от приема эмира в Петербурге, дабы не провоцировать англичан на ответные шаги. Однако министр иностранных дел 11 января инструктировал посла в Лондоне: «Если же... по некоторым соображениям достоинства, безопасности или авторитета, о которых мы не беремся судить, английское правительство считает себя вправе и обязанным развить последствия войны и военных успехов, которые оно имело, в смысле и в размере, которые не согласны с нашими прежними соглашениями, вы уполномочены, по приказу его величества императора, обратить внимание английского правительства, что императорский кабинет со своей стороны будет считать, что получил обратно свободу действий» [13, с. 113].

В своем очередном письме в Ташкент в тот же день министр иностранных дел еще раз подчеркивал нежелательность приезда эмира в столицу. Однако, соглашаясь с предложением Кауфмана отплатить добром за добро (речь шла о миссии Столетова — Разгонова), настаивал на необходимости оказать Шир-Али гостеприимство в Ташкенте «и стараться убедить его в необходимости присутствия его если не в самом Афганистане, то вблизи границ его для наблюдения за ходом событий». Лишь в случае выяснения в британских намерениях стремления «к захвату значительной территории и при том в тех частях Афганистана, которые находятся вблизи от наших владений в Средней Азии, в районе непосредственного нашего влияния, то нам, без сомнения, придется принять соответственные меры для уравнивания нашего положения с тем, которое готовится занять Англия в Средней Азии» [13, с. 118—119].

Посол Шувалов в своем донесении от 21 января 1879 г. выступил своего рода разрушителем иллюзий. Он убеждал российский МИД в том, что Лондон никакой войны с Афганистаном не хотел, и что ее инспирировали приезд и помпезная встреча посольства Н. Столетова, а также отказ эмира в приеме британского посольства. Более того, он обвинял самого Столетова и Кауфмана в передаче ложных сведений и в оптимистических иллюзиях по поводу слабости английского положения в Индии. Он призывал не отождествлять Шир-Али с его страной и не восторгаться создаваемым генералом Разгоновым апофеозом бегства эмира из страны. Он опровергал сведения об агрессивных замыслах британской короны. И вновь предлагал в качестве эффективного, в случае необходимости, средства давления на лондонский кабинет занятие Мерва, но никак не переговоры с беглым эмиром. Но для реализации этой задачи необходимо было не просто урегулировать, но серьезно улучшить отношения России с Ираном [13, с. 123—127].

Приступить же к решению мервского вопроса было бы целесообразно, по его мнению, после заключения англо-афганского мирного соглашения: «Заключение мира было бы для нас также благоприятным моментом к заявлению наших намерений: оглашение условий этого мира, неизвестных еще сегодня, позволило бы нам сказать, что поскольку независимость и целостность Афганистана нарушена, мы получаем обратно свободу действий и будем продвигаться к Атреку или Мерву» [13, с. 127].

Сравнивая уже свершившийся афганский казус с будущим казусом мервским, посол обратил внимание на то обстоятельство, что в отношении Афганистана Россия создала угрозу, но не имела сил и возможностей к активному действию. Для занятия же Мерва у нее было достаточно сил, и здесь не нужно было бы создавать угрозу. Великобритания в отношении Мерва есть и будет бессильной. Настало удобное время для реванша. «Мы можем снова завоевать положение, которого Англия хочет нас лишить, на Атреке и в Мерве» [13, с. 128—130].

С этой точкой зрения фактически солидаризировался и министр иностранных дел. 31 января 1879 г. он писал: «Мы считаем, что в новой обстановке, созданной войной с Афганистаном и миром, который должен быть заключен, мы имеем право требовать от Англии такого же воздержания от попыток влияния и сношений с туркменами, отношения которых к нам еще нетвердо установлены» [13, с. 133]. В секретной депеше послу в Великобритании А. М. Горчаков признал справедливость сделанных им выводов в отношении перспектив развития англо-афганского вопроса, в том числе и планов на Мерв [13, с. 134—137].

Несколькими днями ранее (27 января) К. П. Кауфман телеграфировал министру иностранных дел: «Получено известие <от> Разгонова. Шир-Али болен. Поездку <в> Россию отменил. Посылает вместо себя четыре сановника. Разгонов выехал 19 из Мазари-Шарифа, оставив доктора [И. Л. Яворского. — Д. В.] с переводчиком при эмире. Якуб-хан доносит отцу ежедневно. Слух из Бухары: Кабул взят. Англичане предали его разграблению. Благоволите испросить повеление ехать мне в Петербург после приема афганского посольства» [13, с. 131]. Весьма тревожно (хотя слух о взятии Кабула оказался ложным), но отчасти удобно!

В ответ А. М. Горчаков направил К. П. Кауфману телеграмму: «На телеграмму Вашу считаю долгом повторить сообщенное уже Вам прежде сего указание стараться склонить Шир-Али не покидать своих владений. Болезнь его могла бы быть благовидным поводом к изменению прежнего его намерения» [4, с. 302]. «Шир-Али уже отложил поездку к нам под предлогом болезни», — ответил генерал [4, с. 303].

В депеше графу Шувалову Горчаков едва ли не обрадовался случившемуся с Шир-Али-ханом, еще не покинувшим Афганистан: «Нам было бы трудно отказать ему в гостеприимстве, обязательном в глазах азиатов. Но его пребывание у нас вызвало бы лишние хлопоты. Мы воспользуемся перерывом в его путешествии, чтобы его отговорить от его продолжения. Посылка двух лиц, которых он отправил в Ташкент, позволит нам если не дать ему формальные советы, то во всяком случае дать ему понять язык рассудка, так как, с одной стороны, мы отказали себе во всяком вмешательстве в афганские дела и так как, с другой стороны, мы не хотели брать на себя ответственность за судьбу, которая могла бы его ожидать, если он остался бы в своей стране» [13, с. 132].

Насыщенным выдался последний день января у канцлера Горчакова. В этот день он дал генералу К. Кауфману последнюю инструкцию в отношении афганского эмира. Напомнил, что состояние англо-российских отношений не позволяет оказать Шир-Али-хану какую-либо поддержку, не рискуя нанести ему еще больший вред. Поручил настаивать на возвращении его в свои владения, «дабы не дать повода англичанам воспользоваться отсутствием его из страны для произведения внутреннего переворота не в его пользу и для совершенного устранения его от переговоров о мире». А вот приезд генерал-губернатора в столицу разрешался лишь после нормализации ситуации в Афганистане и возвращения эмира в страну [13, с. 137].

Вскоре все разрешилось. 20 февраля К. Кауфман доложил в столицу, что 9 числа¹ Шир-Али-хан скончался. «Тотчас в Мазари-Шарифе началась резня между партизанами претендентов. Восторжествовала партия Мохаммед-Якуб-хана. Террор продолжался и после того. Сарбазы убивали своих начальников по указаниям новой правительственной партии» [13, с. 138]. Один эпизод истории почти завершился. Афганистан на какое-то время стал британским. Лишь провозглашение в 1880 г. эмиром Абдур-Рахман-хана привело к эвакуации англо-индийских войск из страны.

¹ Сбой даты. К. Кауфман в этой телеграмме ссылается на И. Яворского, который в своих записках называет другую дату — 8 февраля (см. выше).

Грабежи и беспорядки в Мазари-Шарифе шли 10 и в ночь на 11 февраля, когда доктор И. Яворский со спутниками собрался в путь в Россию. К вечеру того же дня остатки бывшего российского посольства переправились через Амударью. Проведя больше месяца в бухарских владениях, путешественники 18 марта пересекли российскую границу и 25 марта вернулись в Ташкент.

В конце своих записок о российском посольстве 1878—1879 гг. И. Л. Яворский, обладавший не только документальной полнотой архива МИД, но и собственным бесценным опытом участия в дипломатических перипетиях, дал весьма конкретную и объективную оценку современных ему событий.

«Несомненно, что послание [посылка. — *Д. В.*] этого посольства находилось в тесной связи с событиями на Балканском полуострове и вообще в Европе, а потому имеет значение весьма важного исторического события. Наши вечные враги англичане, руководимые политическими вдохновениями “великого жида наших дней” [Бенджамин Дизраэли. — *Д. В.*], хотели умалить до возможного минимума успех нашего оружия, поднятого для освобождения наших братьев по плоти и духу. Вследствие усилий этого великого, даже и в своей ненависти, человека, в Берлине собрался ареопаг заправил судеб Европы и целого света. Здесь все были против нас. “Честный маклер” [Отто фон Бисмарк. — *Д. В.*] заранее уже потирал руки в чаянии хорошего гонорара за свое маклерство. Вполне естественно, что в то время истинно русские люди душевно сокрушались о том, что победоносные орлы наши должны были предстать на суд нечистоплотных коршунов. Единственная возможность, какая представлялась нам для поддержания народной чести и удержания хотя части своих завоеваний, — это бить в ахиллесову пяту британского льва. Этой пятой была, есть и впредь до известного времени будет Индия. Бить Англию нам можно только с этой стороны, и она здесь вполне уязвима; только с этой стороны и есть брешь в ее непроницаемой броне. Движение наших войск от Самарканда к Индии могло сослужить роль прекрасного громоотвода для грозы, собравшейся в Измидском заливе [в Турции. — *Д. В.*] и в Берлине. Но так как между Русским Туркестаном и Индией находится довольно обширное государство, считавшееся уже давным давно под влиянием и покровительством Англии — труднопроходимый гористый Афганистан, который нам было бы выгодно привлечь на <свою> сторону, — то к правителю этой страны и было послано русское посольство.

Посольство имело своей ближайшей целью склонить на нашу сторону Шир-Али-хана, заключить с ним, если возможно, наступательно-оборонительный союз против Англии, т.е. в данном случае против Индии. Конечно, такая диверсия с нашей стороны была прекрасна. Одно только можно было сказать против нее еще и в то время: посольство слишком запоздало своим отъездом в Афганистан; его нужно было бы послать в начале 1878 г. Тогда, вероятно, не существовало бы ни Берлинского конгресса, ни Берлинского трактата, а был бы только мир и трактат Сан-Стефанский...» [23, с. 383—384].

В заключение можно обратиться к Абд-ар-Рахман-хану, племяннику покойного эмира Шир-Али, который на протяжении всего этого времени (в 1878 и 1879 гг.) проживал в Самарканде. Позже он при поддержке англичан был провозглашен эмиром и занял Кабул. В своих мемуарах в конце жизни он дал оценку российской политике в отношении своей страны и сделал ее публичной: «Я не верю, чтобы Россия питала какие-нибудь враждебные чувства к Афганистану: он является для нее исключительно в виде серьезного препятствия на пути в Индию, и если Россия когда-нибудь произведет нападение на Афганистан, то это будет сделано именно с этим единственным намерением. <...> Нет ни малейшего сомнения в том, что Россия решила твердо в глубине своего сердца воспользоваться первым удобным случаем, чтобы атаковать Индию» [1, с. 333, 360—361].

Трудно согласиться с августейшим афганцем, но он прав. И рассмотренная нами история вполне однозначно это доказывает. К тому же у него было достаточно времени для того, чтобы посмотреть на русских, живших на территории их центральноазиатского форпоста: «...За все время моего двенадцатилетнего пребывания в России я убедился в том, что не существует ни малейшего сомнения, что Россия постоянно замышляет лишь одно — это нашествие на Индию. <...> Достаточно сказать, что русские по природе своей являются народом завоевательным, захватывающим и предприимчивым; русские отлично знают, что все азиатские государства слишком слабы, чтобы собственными силами противостоять наступательным действиям России за исключением лишь Англии в Индии, одной лишь Англии. Вполне естественно поэтому, что Россия видит в Англии своего единственного страшного врага и соперника в Азии. Все знают, что если бы Англия не стояла России поперек дороги, то русские не уделили бы много внимания Персии, Афганистану, Китаю или Турции и не стали бы долго церемониться с их независимостью. <...> Вполне естественно, что Россия ненавидит присутствие на Востоке такой великой державы, как Англия. Она не может забыть то, что она претерпела от Великобритании во время Крымской войны, а также и то сопротивление, которое она встречала со стороны Англии в различных случаях.

Русский народ смотрит на Индию как на огромное сокровище золота и всякой добычи. Я неоднократно видел русских солдат, подпрыгивавших от радости, что им когда-нибудь возможно будет приложить руки к грабежу этой богатой страны; они с жадностью ждут то время, когда возникнет борьба между Россией и Англией на границах Индии. Русские крайне несведущи, воображая, что индусы не любят англичан, а преданы русскому медведю и даже обожают землю, на которую он ступит. <...> Русские верят, что они могут свободно нарушать обещания и договоры и двигаться все вперед и вперед» [1, с. 362—365].

Каждый может по-своему оценить добродетели Абд-ар-Рахмана. Но, что бы он ни думал о гостеприимстве русских во время пребывания в Самарканде, став эмиром Афганистана, он взял на себя ношу, которая требовала не только осторожности и решимости, но и объективности оценок. Хотя, когда мы говорим о его записках (или автобиографии), следует иметь в виду, что их текст должен был стать достоянием общественности. А потому в тексте одного из самых значительных афганских эмиров Нового времени мы должны видеть не только заявленную позицию главы государства, его политическое завещание, но и срывание масок с неискренних соседей во избежание новых недоразумений.

Эмир довольно просто и конкретно характеризует своих соседей и показывает роль своей страны между этими враждебными полюсами: «...Англия располагает деньгами и оружием, но нуждается в воинах; Афганистан же имеет воинов, но нуждается в деньгах и оружии; поэтому вполне соответствует взаимным интересам обоих государств, чтобы они соединились вместе: при этом случае Англия может воспользоваться службой афганцев, а афганцы получили бы за это от англичан оружие и деньги. Россия не могла бы дать денег Афганистану потому, что у нее самой не хватает на собственные потребности, а людей от Афганистана ей не требуется потому, что и своих слишком много. Дружба Афганистана России не нужна ни в каком отношении, за исключением лишь одного — разрешить ей проход через его страну в Индию, что означает собой сложить Афганистан под ноги России. ...Политика Афганистана в отношении его двух сильных соседей [Великобритании и России. — Д. В.] должна заключаться в том, что он должен относиться дружелюбно к тому из них, который проявляет менее наступательный характер, и враждебно к тому, который стремится пройти через его страну или посягает на его независимость» [1, с. 376—377, 379].

А может быть, не только сохранявшаяся русская угроза, но и близкое знакомство с Русским Туркестаном стимулировали интерес эмира к изучению политической ситуации в самой Российской империи. Во всяком случае, его анализу не откажешь в здравом смысле.

«Могу сказать с некоторым знанием дела, что политика России в настоящее время не имеет в виду затеять войну ни с Англией, ни с Афганистаном потому, что русское правительство в настоящее время не приготовлено, чтобы вести такую войну. Русская политика имеет целью постоянное движение вперед, движение медленное, но прочное и непрерывное, занимая одну страну за другой и отрезая такие владения, которые находятся в руках слабых, не могущих собственными силами защищаться от захватов России. Этой именно политики Россия будет придерживаться и следовать ей с тем, чтобы путем медленного движения вперед примкнуть свои границы к границам империи Индии на всем их протяжении. Достигнув этой цели, Россия вступит в войну с Англией. При такой постановке цели пройдет еще немало лет, прежде чем России удастся осуществить свою схему. Может народиться за это время немало таких вещей, которые в состоянии будут предупредить эту войну между Англией и Россией. <...>

Так как России требуются... значительные силы на ее границах с Китаем, Японией, Австрией, Германией и Турцией, а также и внутри страны для поддержания ее безопасности против всеобщего восстания и беспорядков, которые могут возникнуть как со стороны мусульман туркменских, так и других недовольных подданных, то очевидно, что для осуществления упомянутых кампаний [вторжение в Афганистан. — Д. В.] могут быть направлены Россией лишь небольшие силы; причем этим силам придется действовать на различных пунктах, значительно удаленных между собой. Для подобной цели Россия никогда не будет располагать ни достаточной армией, ни достаточным количеством денег, продовольственными запасами или перевозочными средствами» [1, с. 387, 401].

Естественно, что смена власти в Афганистане не могла не обеспокоить Петербург, более десятилетия державший в Русском Туркестане вполне законного претендента на кабульский престол. Целый месяц в российской столице размышляли после получения известия о смерти эмира Шир-Али-хана. И лишь 19 марта в Ташкент ушла телеграмма начальника Главного штаба Ф. Л. Гейдена, в которой тот извещал о повышении пенсии Абд-ар-Рахман-хану и его братьям и спрашивал туркестанского генерал-губернатора о целесообразности отправления наследника престола в Афганистан. За этим предложением, как выяснилось, стоял «друг Англии» граф Шувалов. Прекрасно понимавший местные сюжеты К. П. Кауфман 22 марта ответил: «Мне не понятно, какие обстоятельства в Афганистане могут побуждать желать, чтобы Абдуррахман с братьями отправился туда. Мне пока известно, что Якуб-хан желает продолжать борьбу и что народ ему сочувствует. Казалось бы, Абдуррахмана надо не пускать туда и холить до могущей быть в нем надобности» [17, с. 521].

Пока Якуб-хан сражался с англичанами, Абд-ар-Рахман получил от туркестанского начальства 250 берданок для вооружения своей свиты, закупил в ташкентских магазинах револьверов и в ночь на 15 декабря 1879 г. выдвинулся из Ташкента. Официально путь его лежал в Фергану, где принц намеревался встретиться с родственниками. Но ни для кого не было секрета в подлинных целях его экспедиции [17, с. 543]. Летом следующего года вчерашний изгнанник был провозглашен эмиром и занял столицу.

Завершая обозрение событий, приведших к переходу англо-афганского конфликта в горячую фазу, следует признать, что он был спровоцирован действиями российской дипломатии, посчитавшей возможным нарушить прежние договоренности с Великобританией ради возможных уступок от нее на Берлинском конгрессе. В задачу этого иссле-

дования не входил поиск ответа на вопрос, насколько эффективным в этом плане был афганский демарш России. Что же касается непосредственно Центрально-Азиатского региона, то тут сложно делать однозначные выводы.

С одной стороны, незавершенный «Индийский поход» и неудачное посольство в Кабул показали, что Россия не готова к прямому столкновению с Британией ради защиты своих интересов.

С другой стороны, эти интересы не состояли непосредственно в подчинении (союзе) Афганистана и продвижении к границам индийских владений. Мы точно знаем, что целью была лишь угроза — демонстрация готовности «перевыполнить» внешнеполитические задачи во имя конкретной цели. Так или иначе, эта цель была достигнута. В том числе путем дестабилизации Афганистана и втягивания его в масштабную войну.

Никаких противоречий с бисмаркским курсом реальной политики. Возможно, единственное его проявление в российской внешней политике XIX в. И не будем забывать про Абд-ар-Рахмана. Проведший самые непростые для себя годы в России, он не полюбил ее и не стал российским апологетом. Но он оказался трезвым и мощным политиком, на какое-то время освободившим свою страну от жесткой иностранной зависимости. С большей симпатией относясь к англичанам, он уважал и своего северного соседа. Поэтому вместо эпилога имеет смысл привести «Внутренний монолог эмира [Абд-ар-Рахмана. — Д. В.]», написанный в 1881 г. английским поэтом Альфредом Лайеллом. Будучи в 1878—1881 гг. министром иностранных дел индийского правительства, он прекрасно был осведомлен во всех делах и хорошо знал участников событий.

Окончилось изгнание мое. Прошло двенадцать лет и много дней,
С тех пор как проиграл последний бой и видел смерти лучших из людей.
Гнались по перевалам до Аму и не давали дух перевести.
И только лишь на дальнем берегу мы оглянулись, разглядев штыки.

Жизнь на чужбине — худшее из зол — опасная подачка иноземца.
Неверные унизили Ислам. Без родины пришлось мне жить — без сердца.
В то время в крепости моих отцов сесть на престол мой злейший враг дерзнул.
Он десять лет крепил там свой престол и в одночасье упустил Кабул.

Упокойся, эмир Шир-Али, в тишине у великой святыни.
Добродетели Бога — прощенье и жалость — никогда не бывали моими,
Мы не знали о них в королевстве твоём, что залито родною кровью,
Где друзья обнялись и где красный меч побеждает на поле боя.

И я думаю вновь о тебе, Шир-Али, погребенный в глубокой могиле, —
Смерть меж другом неверным и старым врагом, что очаг твой и сердце убили:
Англичанами свергнут, а русский посол отвечает эмиру презреньем...
Я доволен расплатой и вижу, что Бог нам дарует свое провиденье.

Но пути все Его для меня оберег. Я его должен принять нижайше,
Обращаясь к неверному с просьбой помочь и касаясь отравленной чаши.
Ведь присутствие Божье и помощь Твоя так нужны для вождя государства,
Если дал Ты ему править в горной стране, укрощать горделивых афганцев.

Из разбитого форта гляжу на Кабул, что простерся внизу под ногами —
На холмы, те, что рядом, их пушки гнетут. И на те, что покрыты снегами.
Как прекрасны долины, политы водой, — зеленеют в них лозы ряд к ряду.
Если думаешь, правишь ты раем земным, будь уверен, я властвую адом.

Во дворце у меня не найдется угла, не политого родственной кровью,
И те лживые псы, что на улицах льнут, их глаза не сияют любовью,

Те служители Бога, мюриды при них, укрепившись мятежной толпою,
По следам моим, крадучись волком, идут потому, что мой принц не со мною.

Они искоса смотрят, молитвы твердя, эти муллы, мюриды, ишаны,
Что ходили тайком, проклиная меня, пока войска Аюба не стало.
Они верили текстам, забыли, что трон выбирать лишь мечу, но не знати.
Два десятка их немые теперь, но, увы, их не встретишь в Садах Благодати.

Далеко на краю Сулеймановых гор, чу, народы приходят в движенье,
Африды, хазарейцы, гизли — все они ждут поживы, несут разоренье;
Пока верность хранит непокорный Герат, поднялись в Бадахшане узбеки.
Тот, кто примет под скипетр непокорный Афган, тот в могиле сомкнет свои веки.

Если я протяну к Инду правую длань, англичане отсыпят мне золото?
Можно ль ждать мне поддержки с другой стороны? За Оксусом то жарко, то холодно.
А афганец для них лишь зерно в жерновах и не важно, куда же он целит,
Ведь не суть, на который ты жернов упал, все равно он тебя перемелет.

Англичанин мне пишет: «Порядок, закон, справедливая форма правленья».
Ну а русский смеется: «Терпенье и шелк, чтобы скрыть от когтей изумленья».
Мусульманские страны летят под откос, и я слышу всегда и повсюду:
Смерть и гибель страны уж давно меня ждет. Что, последним эмиром я буду?! [24]¹.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

Список использованных источников и литературы

1. Абдурахман. Автобиография Абдурахман-хана эмира Афганистана. Т. 2. СПб. : В. Березовский, 1902. 407 с.
2. Алави С. А. Р. Англо-афганская война 1878—1880 годов как фактор развития и трансформации представлений об Афганистане и афганцах в Великобритании // Молодой ученый. 2021. № 11. С. 49—52.
3. Арбеков А. Б. Международные отношения накануне второй англо-афганской войны (1878—1881 гг.) // Запад и Восток: история и перспективы развития : сб. статей / под ред. И. М. Эрлихсон, Ю. В. Савосиной, Ю. И. Лосева. Рязань : ИП Коняхин А. В., 2019. С. 95—103.
4. «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии : сб. архив. док. / сост., предисл. и примеч. Т. Н. Загородникова. М. : Новый хронограф, 2014. 358 с.
5. Васильев Д. В. Административно-территориальное деление Азиатской России: дискуссия 1860—1887 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 51. С. 13—20.
6. Васильев Д. В. Афганистан в центре Большой игры. 1878—1879. Акт первый: «Индийский поход» К. П. Кауфмана [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 2 (42). С. 140—154. URL: http://vestospu.ru/archive/2022/articles/11_42_2022.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2022.42.11.
7. Васильев Д. В. Афганистан в центре Большой игры. 1878—1879. Акт второй: Посольство Н. Г. Столетова [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 3 (43). С. 69—85. URL: http://vestospu.ru/archive/2022/articles/6_43_2022.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2022.43.6.
8. Васильев Д. В. Поступь империи. Политика России в Центральной Азии: XIX — начало XX в. М. ; СПб. : Нестор-История, 2022. 636 с.
9. Васильев Д. В. Форпост империи. Административная политика России в Центральной Азии. Середина XIX века. М. : ИБП, 2015. 303 с.
10. История Афганистана. Т. 2. М. : Наука, 1965. 551 с.
11. История Афганистана с древнейших времен до наших дней. М. : Мысль, 1982. 368 с.
12. Колесников А. А., Харатишвили Г. С. Россия и Афганистан. Миссии. Экспедиции. Путешествия. СПб. : Нестор-История, 2011. 363 с.

¹ Перевод Д. В. Васильева.

13. Посольство генерала Столетова в Афганистане (1878—1879 гг.) : сб. документов / ред. А. В. Станишевский. Ташкент, 1948. 155 с.
14. Рабуш Т. В. О формировании государственных границ Афганистана во второй половине XVIII в. — XIX в. // Genesis: исторические исследования. 2021. № 10. С. 44—52.
15. Снесарев А. Е. Афганистан. М. : Гос. изд-во, 1921. 244 с.
16. Соболев Л. Н. Англо-Афганская распря: (Очерк войны 1879—1880 гг.). Вып. 1—8. СПб. : Тип. д-ра М. А. Хана, 1880—1885.
17. Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 2. СПб. : Типо-лит. В. В. Комарова, 1906. 547 с.
18. Халфин Н. А. Вторая англо-афганская война (1878—1880 гг.) // Вопросы истории. 1979. № 3. С. 117—130.
19. Халфин Н. А. Победные трубы Майванда. Историческое повествование. М. : Наука, Глав. ред. вост. лит., 1980. 352 с.
20. Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. — начало XX в.). М. : Соцэкгиз, 1959. 210 с.
21. Харатишвили Г. С. Русские путешественники, посетившие Афганистан при эмире Шер Али-хане (1863—1879) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2009. № 2. С. 115—119.
22. Хидояттов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70-х гг.). Ташкент : Фан, 1969. 456 с.
23. Яворский И. Л. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг. Т. 2. СПб. : Тип. д-ра М. А. Хана, 1883. 387 с.
24. Lyall Alfred. Verses written in India. London : Kegan Paul, Trench and Co, 1889. P. 56—61.

Поступила в редакцию 07.02.2022

Васильев Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
E-mail: dvvasiliev@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6616-0646

UDC 94(47)“1878/1879”

D. V. Vasilyev

Afghanistan at the Center of the Great Game. 1878—1879. Act Three: Emir Shir-Ali's War

The article examines the prehistory and the very beginning of the Second Anglo-Afghan war in the context of Russian-Afghan relations. The reasons for the interest in Afghanistan for the Russian Empire and the reasons for the unsuccessful development of the Russian-Afghan dialogue at the turn of 1878—1879 are shown. Special attention is paid to the Afghan assessment of Russian actions in the round of the Great Game. Evaluations of the activities of the Russian diplomats and the state approach to the problem as a whole are given. The main characters of the article are the Afghan emir Shir-Ali and his successor Abd-ar-Rahman Khan. Diplomatic and official correspondences, as well as memoirs of active participants in the events are the sources of the article. Criticism and analysis of written historical sources became the main methods of the narration. The seeming failures of Russian diplomacy, however, led to the solution of the foreign policy task. Russia has actively declared its intention to defend its own interests in Central Asia even by destabilizing regional political actors.

Key words: Second Anglo-Afghan War, Afghanistan, Russian Empire, Great Game, Turkestan, Shir-Ali, Abd-ar-Rahman Khan, K. P. Kaufman, P. A. Shuvalov, N. G. Stoletov, N. I. Razgonov, I. L. Yavorsky.

Vasilyev Dmitry Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Moscow City University
Russian Federation, 129226, Moscow, 2 Sel'skokhozyaistvennyi proezd, 4
E-mail: dvvasiliev@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6616-0646

References

1. Abdurrakhman. *Avtobiografiya Abdurakhman-khana emira Afganistana* [Autobiography of Abdurahman Khan Emir of Afghanistan]. Vol. 2. St. Petersburg, V. Berezovskii Publ., 1902. 407 p. (In Russian)
2. Alavi S. A. R. Anglo-afganskaya voyna 1878—1880 godov kak faktor razvitiya i transformatsii predstavlenii ob Afganistane i afgantsakh v Velikobritanii [The Anglo-Afghan War of 1878—1880 as a factor in the development and transformation of ideas about Afghanistan and the Afghans in Great Britain]. *Molodoi uchenyi*, 2021, no. 11, pp. 49—52. (In Russian)
3. Arbekov A. B. Mezhdunarodnye otnosheniya nakanune vtoroi anglo-afganskoi voiny (1878—1881 gg.) [International relations on the eve of the second Anglo-Afghan War (1878—1881)]. *Zapad i Vostok: istoriya i perspektivy razvitiya: sb. statei* [West and East: history and development prospects. Collect. of articles]. Ryazan, IP Konyakhin A. V. Publ., 2019, pp. 95—103. (In Russian)
4. “Bol'shaya igra” v Tsentral'noi Azii: “Indiiskii pokhod” russkoi armii: sb. arkhiv. dok. [“Great Game” in Central Asia: “Indian campaign” of the Russian army. A collect. of archiv. doc.]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2014. 358 p. (In Russian)
5. Vasil'ev D. V. Administrativno-territorial'noe delenie Aziatskoi Rossii: diskussiya 1860—1887 gg. [The administrative-territorial division of Asian Russia: discussion of 1860—1887]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2018, no. 51, pp. 13—20. (In Russian)
6. Vasil'ev D. V. Afganistan v tsentre Bol'shoi igry. 1878—1879. Akt pervyi: “Indiiskii pokhod” K. P. Kaufmana [Afghanistan at the Center of the Great Game. 1878—1879 Action One: “Indian Campaign” of K. P. Kaufman]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2022, no. 2 (42), pp. 140—154. Available at: http://vestospu.ru/archive/2022/articles/11_42_2022.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2022.42.11. (In Russian)
7. Vasil'ev D. V. Afganistan v tsentre Bol'shoi igry. 1878—1879. Akt vtoroi: Posol'stvo N. G. Stoletova [Afghanistan at the Center of the Great Game. 1878—1879. Act Two: The Embassy of N. G. Stoletov]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2022, no. 3 (43), pp. 69—85. DOI: 10.32516/2303-9922.2022.43.6 (In Russian)

8. Vasil'ev D. V. *Postup' imperii. Politika Rossii v Tsentral'noi Azii: XIX — nachalo XX v.* [The march of the empire. Russian policy in Central Asia: XIX — early XX century]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2022. 636 p. (In Russian)
9. Vasil'ev D. V. *Forpost imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentral'noi Azii. Seredina XIX veka* [Outpost of the empire. Russian administrative policy in Central Asia. Mid 19th century]. Moscow, IBP Publ., 2015. 303 p. (In Russian)
10. *Istoriya Afganistana* [History of Afghanistan]. Vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1965. 551 p. (In Russian)
11. *Istoriya Afganistana s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [History of Afghanistan from ancient times to the present day]. Moscow, Mysl' Publ., 1982. 368 p. (In Russian)
12. Kolesnikov A. A., Kharatishvili G. S. *Rossiya i Afganistan. Missii. Ekspeditsii. Puteshestviya* [Russia and Afghanistan. Missions. Expeditions. Travels]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2011. 363 p. (In Russian)
13. *Posol'stvo generala Stoletova v Afganistane (1878—1879 gg.): sb. dokumentov* [Embassy of General Stoletov in Afghanistan (1878—1879). Collect. of documents]. Tashkent, 1948. 155 p. (In Russian)
14. Rabush T. V. O formirovaniy gosudarstvennykh granits Afganistana vo vtoroi polovine XVIII v. — XIX v. [On the formation of the state borders of Afghanistan in the late XVIII — XIX centuries]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya — Genesis: Historical Research*, 2021, no. 10, pp. 44—52. (In Russian)
15. Snesarev A. E. *Afganistan* [Afghanistan]. Moscow, Gos. izd-vo Publ., 1921. 244 p. (In Russian)
16. Sobolev L. N. *Anglo-Afganskaya raspriya: (Ocherk voyny 1879—1880 gg.). Vyp. 1—8* [Anglo-Afghan strife: (Outline of the war of 1879—1880). Issue 1—8]. St. Petersburg, Tip. d-ra M. A. Khana Publ., 1880—1885. (In Russian)
17. Terent'ev M. A. *Istoriya zavoevaniya Srednei Azii* [History of the conquest of Central Asia]. Vol. 2. St. Petersburg, Tipo-lit. V. V. Komarova Publ., 1906. 547 p. (In Russian)
18. Khalfin N. A. Vtoraya anglo-afganskaya voyna (1878—1880 gg.) [Second Anglo-Afghan War (1878—1880)]. *Voprosy istorii*, 1979, no. 3, pp. 117—130. (In Russian)
19. Khalfin N. A. *Pobednye truby Maivanda. Istoricheskoe povestvovanie* [Maiwand's victory trumpets. Historical narrative]. Moscow, Nauka, Glav. red. vost. lit. Publ., 1980. 352 p. (In Russian)
20. Khalfin N. A. *Proval britanskoi agressii v Afganistane (XIX v. — nachalo XX v.)* [The failure of British aggression in Afghanistan (19th century — early 20th century)]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1959. 210 p. (In Russian)
21. Kharatishvili G. S. Russkie puteshestvenniki, posetivshie Afganistan pri emire Sher Ali-khane (1863—1879) [The Russian Travelers in Afghanistan During Amir Sher Ali-Khan's Rule (1863—1879)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika — Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 13. Asian Studies. African Studies*, 2009, no. 2, pp. 115—119. (In Russian)
22. Khidoyatov G. A. *Iz istorii anglo-russkikh otnoshenii v Srednei Azii v kontse XIX v. (60—70-kh gg.)* [From the history of Anglo-Russian relations in Central Asia at the end of the 19th century. (60—70s)]. Tashkent, Fan Publ., 1969. 456 p. (In Russian)
23. Yavorskii I. L. *Puteshestvie russkogo posol'stva po Avganistanu i Bukharskomu khanstvu v 1878—1879 gg. T. 2* [Journey of the Russian Embassy in Afghanistan and the Bukhara Khanate in 1878—1879. Vol. 2]. St. Petersburg, Tip. d-ra M. A. Khana Publ., 1883. 387 p. (In Russian)
24. Lyall Alfred. *Verses written in India*. London, Kegan Paul, Trench and Co, 1889, pp. 56—61.